

Когда речь идет об использовании Чулковым бурлескного стиля, можно, конечно, возразить, что имеется мало прямых доказательств влияния именно Скаррона, поскольку его имя вообще ассоциировалось с понятием бурлеска в европейской литературе и сам бурлескный стиль просто носился в воздухе. Однако некоторые другие черты повествовательной техники Чулкова несомненно также заимствованы из «Комического романа». Вот несколько примеров прямых текстуальных отражений французского романа в «Пересмешнике».

В конце первой главы рассказчик, Ладон, говорит о своих героях: «Пока они станут кушать, а я тем временем подумаю о расположении второй главы».¹⁵ Сходство между этим замечанием и концовкой главы, открывающей роман Скаррона, очевидно. В «Комическом романе» задают корм лошадям, которые тащат повозку с комическими актерами и их пожитками, а автор замечает: «Cependant que ses bestes mangerent, l'Auteur se reposa quelque temps et se mit à senger à ce qu'il droit dans le second Chapitre».¹⁶ Названия отдельных глав вступительной части «Пересмешника», часто намеренно иронические, дают дополнительные доказательства влияния Скаррона. Например, десятая глава имеет название «Ежели кто прочтет, тот и без надписи узнает ее содержание». В романе Скаррона одиннадцатая глава идет под титулом: «Qui contient ce que vous verrez, si vous prenez la peine de le lire».¹⁷ Как бы для того, чтобы подчеркнуть, что он читал «Комический роман», Чулков называет одного из персонажей вступительной части, Балабана, «внуком новопреставленного скарронова комедианта Злобина».¹⁸ Имя Злобин — это калька от *La Rancune*, имени одного из главных героев «Комического романа».

Такие авторские отступления в повествовании усиливают снижающую иронию, которая является одной из определяющих особенностей вступительной части «Пересмешника» и повестей, рассказанных монахом в основном тексте. Они являются примерами того, что называют приемом *self-conscious narrator* (ирония автора по отношению к собственному повествованию).¹⁹ При таком риторическом способе повествования рассказчик (иногда сам автор, в других случаях литературный герой) не пытается отстраниться от действия и не делает вида, что его рассказ является

¹⁵ Русская проза XVIII века, т. I, с. 96.

¹⁶ Scarron Paul. *Le Roman Comique*, vol. 1, p. 95. Приводим этот отрывок в переводе В. Теплова по изданию 1763 г.: «... он дал своей скотине досыта наесться. Сие предложение принял он (извозчик) с охотою, и между тем как скот насыщался, поотдохнул немного писатель повести и начал размышлять, что б ему объявить во второй главе».

¹⁷ В. Теплов это заглавие перевел так: «Содержание которой усмотрят, когда не поскучат прочитать».

¹⁸ Русская проза XVIII века, т. I, с. 127.

¹⁹ О риторической манере повествования в европейской беллетристике см. блестящую работу: Booth Wayne S. *The Retic of Fiction*. Chicago, 1961.